

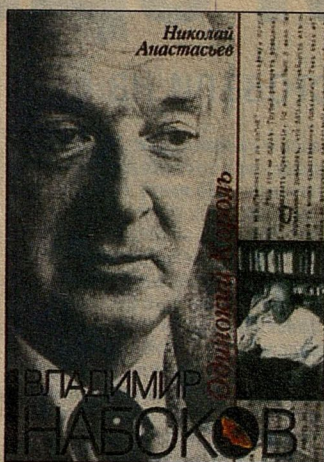
Новые Известия - 2003 - 9 янв. - с. 6.

Зык Набокова

Николай Анастасьев.
«Владимир Набоков.
Одинокий Король».
М. Центрполиграф, 2002.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Русская критика всегда страдала эстетическим слабоумием. Что же касается Набокова, то тут и мировое литературоведение продемонстрировало, мягко говоря, свое «неполное соответствие». Теперь, когда только за прошедший год появились три биографии писателя и все в твердых переплетках, трудно понять, из насколько серого вещества состоял мозг того же нобелевского комитета, так и не удостоившего Набокова своей престижной премии. Вот божок нашей литературной эмиграции К. Зайцев устаивает писателя в 1930 году таким наставлением: «Обезображены не отдельные черты — нет — вся совокупность отдельных черт, как внутреннего существа человека, так и внешней обстановки, его окружающей. Обезображено естество человека». Всех раздражал Набоков и в Европе, и в США. В Советском Союзе все было спокойно, поскольку здесь о Набокове в отличие, скажем, от Бунина и слыхом не слыхивали. О нем узнали лишь в середине 60-х, когда сквозь духовную таможену КПСС просочились слухи о порнографической «Лолите». Кстати, пора уже отбросить эти фигурные листки и признать очевидную вещь: «Лолита» — шедевр именно порнографической литературы, да еще и с педофильским окрасом. Куда денешься, так оно и есть. Дело в том, что в литературе (не путать с жизнью) действительно можно все. В жизни совращать «лолит» — преступление, достойное достойного наказания, а в литературе преступление и наказание — это всего лишь роман Достоевского. Там, кстати, господин Свидригайлов, весьма обаятельный, не только жену отравил, но и с несовершеннолетней девочкой... Впрочем, не будем о грустном. «Лолиту» давно узаконили и даже проходят в продвинутых школах, однако Набоков не стал от этого доступнее и понятнее. Он моден, что еще страшнее. Модный Набоков. Нет, лучше уж неизвестный Набоков. Потому что «модный» — всегда неизвестный. Его принимают за кого-то совсем другого. Бесчисленные экранизации и сценические разработки поражают своей топорностью. У Набокова каждая

фраза — диалог то с Достоевским, то с яснополянским. Иван Ильич, умирая, вспоминает силлогизм из учебника логики: «Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай смертен». Набоков в «Бледном пламени» отвечает: *Вот силлогизм: другие смертны, но я — Я не другой, и потому бессмертен.*

Настоящая биография любого писателя — это прежде всего его книги. Все остальное выглядит навязчивым примечанием. Весь Набоков может быть примечанием или развернутой иллюстрацией к «Тимею» Платона. Мы тени теней, блуждающие в тени. Реальности либо нет, либо она неуловима. Так же неуловимы чувства и мысли людей. Да и сами люди, есть ли они? И есть ли сам автор? Набоков в этом далеко не уверен. Он против любой психологии, потому что психология подразумевает личность, а личность, если она и есть у агностика Цинцинната, то он об этом ничего не знает. У Набокова, конечно, был свой кодекс чести, который он четко сформулировал в письме к другу: быть воином русской интеллигенции. Но это в жизни. А в литературе он так эту интеллигентность оттараканил, что о ней и думать уже неприлично.

Как бы ни ругали, как бы ни критиковали Набокова, он сам был своим самым непримиримым критиком. Можно написать «Аду» после «Лолиты», но нельзя написать «Лолиту» после «Ады». Каждый новый роман настолько изощреннее предыдущего, что остается только выжженная земля. У Набокова множество масок, которые он с легкостью менял и отбрасывал. То это одинокий профессор Пнин в американской глубинке, то изощренный эротоман Гумберт Гумберт, то ностальгирующий

автор «Других берегов». Есть еще маска желчного господина, якобы очень скрытного, одинокого короля. Хотя почему одинокого? Всегда рядом была семья, и друзей хватало. Это не одиночество, а зависание в бесконечности, из которой ни одному человеку не вынырнуть.

Конечно, он баловень судьбы и счастливчик. Знаменитый сын знаменитого отца да к тому же еще и гениальный. Как истинный аристократ, воспитанный англоном Набоковым, он всегда находил достойное занятие, чтобы сохранить независимость. Энтомология, история литературы, сама литература, педагогика, переводческая деятельность — всем этим он владел в равной степени. Но гениален был только в прозе. Он даже поэзию чуть было не превратил в лекцию редких бабочек. Но, к счастью, эти бабочки от него улета-ли, и оригинальным поэтом Набоков не стал, хотя это уязвляло его всю жизнь. Он хотел владеть всем. Но владел только словом. Вернее, слово овладело им полностью. Не раньше Джойса, но сразу после него Набоков понял, что язык — единственная реальность, из которой можно что-либо создавать. Не он играл словами, слова им играли. И только в этой игре крестословиц, шарад, кроссвордов, палиндромов, анаграмм Набоков становится самим собой.

Из идолов и козлиц русской литературы Набоков пощадил только Пушкина. Он оставил его, как Сталин оставил православную церковь. На всякий случай, вдруг пригодится. Пригодился. Одни лекции и переводы чего стоят. Пушкин давно стал вечной кормушкой сначала русских, потом советских писателей. Эмиграция... чуть не сказал «съела его живьем». Ну, не живьем, но все равно съела. Все удивляются, почему провалился набоковский перевод на английский «Евгения Онегина». Уж если Набоков не перевел, то кто ж переведет? А никто. Так и останемся наш Пушкин нашим Пушкиным, а не наш Набоков не нашим Набоковым. Тут есть какая-то хитреца. Набоков — сам себя переводчик с никакой на никакой — переводит с пушкинского опять же на никакой.

Набокову удалось освободить литературу от всевозможных нагрузок и перегрузок. За борт идеологию, психологию, социологию и прочую болтологию. Остается только набоковский язык. Он и есть его автобиография. Скажем в стиле Набокова — язык или Я зык. Очень зычный.